

Театральные премьеры

ПОД КАЖДОЮ РУССКОЙ БЕРЕЗОЙ...

Уральский рабочий

14 МАЯ 1971

СКАСХОДИТСЯ в стороны занавес, и перед глазами — серебристая почная дель. Нет в ней ни причуда, ни особенной красоты (художник В. Полюев). Просто земля, большая, сырая. Русская земля. Не хотела допустить, чтобы ее столпили чужие сапоги, за которыми след в след идут насилие, смерть. Так было у нас двадцать девять лет назад, так сегодня за Вьетнаме. Вот почему обращение Свердловского драмтеатра к теме вестей Е. Васильева «А люди здесь трагичны» не просто «своевременна»: тема раннего подвига остается одной из самых важных в советском искусстве. Драматургическая основа спектакля очень близка самой повести. Дорога авторским «темами», инсценировками С. Димича и В. Зриня, а также за ними и постановщик А. Соколов старается не распылять чувствительный материал повести, и там, где текст ее «не ложится» прямо, но в ридлин герои, они все-таки вводят его в спектакль расклевывая действующих лиц. Мы доверительно принимаем эту условность, хотя в ней не таится сценической выразительности. И все же она, пожалуй, точнее соответствует самому духу повести, чем условность боевых действий, показанных в спектакле, улы, с

меньшей изобретательностью по сравнению со сценами военного боя. Вообще спектакль этот не блещет яркой театральной фантазией. Но он волнует нас как рассказ, в котором достоверно переданы движения человеческой души. В ходе Великой Отечественной войны история о том, как горстка советских людей — старшина и пять девушек-солдат — целые сутки удерживали доверенный им участок фронта, как ценой гибели пятнадцати молодых женщин не пропустили фашистский десант — всего лишь одна страница, но боева. Но в ней раскрылся советский неподдельный характер. Исследование этого характера и стало движущим нервом спектакля.

Старшина Васков в исполнении Юрия Васильева — вот кто правде всего воплощает в себе силу и гуманизм советского воина, того самого, кто вечно будет стоять в Третьяков-парке с мечом в одной руке и ребенком — в другой.

Кажется, что эта роль — самая литературная судьба Васильева, которой он долго ждал. Он безупречно «вояка» в каждом позы, фразе, жесте этой важной роли. Из среднекати-

стой мясной похоти, из сдвинутого упрежда, из стылывых преступлений манер преступает нравственный чистота Васкова, неразлучная жидка отцовской любви, та чистота русская мужская жидка, с которой отидется он и своим солдатам-девушечкам.

Боль за них гибель им почти физически ощущаем в Васкове. Но вместе с тем всем сердцем разделяем его единственно верное решение — любой ценой задержать здесь, в мемуары, немцев, не пропустить дальше. Для старшины Васкова, нашим мидит его Ю. Васильев, мидит гдв русской земли воинству выстрадана. Героизм лотом своим, слава и кровью заведает он нам так же бесконечно любить ее, так же бесконечно жидеть ее, так же родит не всея бы остатка.

У другого исполнителя, Владимира Марченко, Васков — первый воинский старшина. Его большая человеческая душа вырисовывается, пожалуй, лишь в финальной сцене с Ритой. Думается, как доброй мушкетерно будет сердитый Васков у Марченко, тем полновростой стает образ.

Снабственной удачей стала роль Лизы Бринкиной для актрисы М. Буториной. С завидной самостоятельностью рисует поначалу актриса милую, большую, неяркую Лизу. Но вот всем существом своим потонулась к Васкову и раскры-

лась Лизавета. У нас на глазах произошло это чудо.

Когда в одиночку и Лиза сошлознула старшина Васков, натянута, нежное Лизино лицо вдруг засветилось все, и чистым, прозрачным голосом задела, затрещала, ее нетрокутал прежде душа. И как же мило, что сцена гибели Лизы, внезапный и жестокий обрыв этой ядргв азыменней струи теплого сердца произвел далеко в губные сцены, где мы уже не могли видот таких выразительных Лизиних гдв.

И еще одна безусловная удача спектакля — роль Соня Туркина и исполнении Т. Приходько. Удивительно точно нашла актриса внешний облик недавней очкастой студенточки, по-человечески сиромной, восторженно открывающей мир поэзии. Ах, как не ждот тоничкой, шупленькой Сонечке большие солдатыские сапоги, как они хлопают в ее ногах и как старается она выгладеть поднятым солдатом!

Со старательностью прилежной ученицы выполняет Соня уставные требования Васкова, и не потому ли прежде других проинавует он и ней сердечной приязнительно, оценка по-своему что ей, самой неприкосновенной и покладным условиям, труднее всего выдержать изнежное испытание. А тонкая душа Соня первой

пробуждает в Васнове отцовское желание назвать ее не привычно «бояг Туркина», а проиннованно «Сонечка». И глубоко парализала злодейского убийства Соня, мы вместе с Васковым прежде всего восхищаемся воинным мужеством этого «воробьиного заморыша», предсмертным ирком сумерного предугадует своих об опасности.

Актрисы Г. Умелева, С. Тиунова в ролях Риты и Кириной явно уверенно строят дорогие нам образы женщин-бойцов. Но, видимо, еще есть возможность радиостаршино, глубже прочесть их биографии.

Сложнее с Женью Комельковой (артистка А. Ладнова), но долю которой выпали в спектакле самые действенные эпизоды. В ней много отчаянной яркости Любки Шевцовой, Нины Смижко, но, думается, автор решал через образ Женю очень важную тему жидкой несоместности воюющей с подлинной красотой.

Хочется, чтобы из этого образа ушло все бытовое (снажени, есть ведь большая разница между тем, как несут и как расчесывают волосы — лоссы) и чтобы перед нами предстала не только лихая девчонка, но и женщина такой силы, что не только «юния на сизку остановит», но и повернет вспять исцеленные на нее а-

томаты. Ледяной жидкосте за Женю должен сминать наша сердце в ее кистомое танце перед немциным десантом. Думается, не проискодит этого потому, что танец Женяни в спектакле точнее укарсий, чем образный.

Но, пожалуй, самый серьезный просчет спектакля в выборе актрисы Т. Сухоной на роль Гали Четвертак. Если Ю. Васильев блеснул в роли Васкова именно благодаря редкому непопедению своих психофизических данных в орбиту характера старшина Васкова, то здесь энергичный темперамент, яркая внешность артистки пришли в явное противоречие с задуманным в повести образом.

Писатель рисует в Гале прежде всего совсем иное существо. Четвертак — потому, что всех меньше радостя, а четверть меньше. Но дело даже не в этом, а в том, что, по сути своей, Галля, эта «растворка в красном носкине», еще абсолютный рабзон. И автор, рисуя нартыны жестокого противоборения, несоместности двух понятий — «женщины» и «войны», усидывает эту тему образом Гали Четвертак — рабница на войне.

Выдуманный, фантазерка, даже адуша (благодаря этому она и попала на фронт, хотя по возрасту не ледкожна). Галля метнулась наперез (гдв на-

писано в повести) немцам скорее всего в форме безотчетного дтского ужаса. И очень важно, что ее оправдывает неподкупный Васков, называя ее гибель героической, гибелью не преступлею. Поэтому ядрл ди стоило театру идваться в психологиче страхе на войне, перегружать образ Гали соинициальным анализом. Ведь именно отсюда входит в спектакль тема бесподобной ирвтенности. Но ведь лгтара девчонки и Васков и секунды не думали о том, что их лгданиг бесмыслен. Высокая скорбь о лгдлбших не напрасно — это выше, это достойней, чем раздувая о жидтвенности.

«Частный случай», судя по шестерых безвестных солдатов, показанных на сцене, усидывает в души вечную боль о наших, ответственность перед детьми.

Пусть они знают как беспредельно дорога нам каждая гдв советской авиации, не только потому, что она родная, а потому еще, что под каждой русской березой — чь-то оборвавшая фашистской пулей жизнь. Пусть учатся ненавидеть врага. Пусть идут в театр и смотрят, как это было...

Г. ВЛАДИМИРОВА.

На сцене: сцена из спектакля.

Фото Н. Медведевой.

